

Плещеев А. У лампы с зеленым колпаком. Из воспоминаний // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1931. 1 марта. № 6608. С. 10.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

У лампы с зеленым колпаком

Из воспоминаний

Кабинет писателя. — Жемчужников, Шелгунов, Станюкович, Майков, Данилевский, Григорьев, Ч. Полонский, Урусов, Апухтин, Чюмина, Ярошенко, Рубинштейн, П. Чайковский, Вас. Немирович-Данченко, И. Ф. Громунов, — Вечера молодежи (Баранцевич, Д. Мережковский, А. Чехов, В. Давыдов, П. Свободин и др.). — Редакция «Отечественных Записок».

Минувшее уходит в преддверие. Проходят десятилетия, годы и начало дней.

Вспоминаю и сейчас с ностальгией уютную комнату, выходившую окнами на площадь у Пискаревского моста, в Петсурске. Окна маленькие, комната довольно темная, на стенах портреты — Тургенева в юные годы, юного Некрасова, А. И. Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова, А. И. Толстого, актера Малаго Московского театра Прова Сидорского. На письменном столе рысачного назначения, обтянутого дерматином и с двумя прожженными наспировавшими ручками, чуть подлинная лампа со стеклянным основанием и с несколькими свечами, горевшими в ней, старая чернильница, вымытое перо и в виде собаки, широкий диван у стены и несколько стульев. На окнах шторы были великих драпировок.

Это был кабинет моего отца, поэта Плещеева.

Кто только не перебивал в этом уголке писателей и начинающих тогда писателей удалявшейся от нас эпохи!

В этом кабинете мне приходилось видеть старика барина, всегда аккуратно одетого А. М. Жемчужникова, представлявшего собой, как тогда говорили, одну треть «Козьмы Пруткина», П. И. Шелгунова, возвратившегося из Петербурга, бодрого, разговорчивого, хотя и несколько сурового на вид; жизнерадостным, неунывающим и полным надежд поэтом К. М. Станюковича, автора замечательных морских рассказов; как-то он в разговоре упомянул о Тришине, который был тогда арестован по политическому делу; Тришину приходился ему родственником. Однажды, помню, и сидел у отца А. Н. Майков. Они давно не бывали друг у друга, хотя и сохранили добрые отношения со времен их юности, — они встречались еще мальчиками. Аполлон Николаевич пришел к отцу поздравить его с юбилеем и извиниться, что на юбилейном обеде он не будет. Весьма естественно, что Майков не собиравший на этот обед литературной группы, чуждой ему по направлению.

Приезжал к отцу не раз Г. И. Данилевский, автор известных исторических романов, мемуаров и пр. Данилевский привозил внушительных размеров альбом, в котором было множество автографов русских писателей, начиная с Тургенева и Л. Толстого, художников, артистов и т. д. Он просил и Плещеева написать что-нибудь в этот альбом.

Бывал тут, разумеется, Я. П. Полонский, сохранивший с отцом моим наилучшие отношения до конца жизни, бывали проф. Чупров, переехавший из Москвы, гл. А. И. Рубинштейн, известный адвокат, писатель, А. Н. Апухтин читал в этом кабинете свои поэмы

шумно привязанность, что все знают из его писем.

На стариков на этих вечерах большей частью случайных вечеринках бывал Петр Вейнберг.

Раз два я встретил в этой компании графа А. А. Голенникова-Кутузова, очевидно случайного гостя: красивая Муза его не была близко родственной царившему здесь настроению. Граф, как милый и деликатный человек, пользовался симпатией и в совершенно противоположных литературных кругах.

Никто не скучал, никто не жаловался на тесноту, потому что чувствовалось тепло, сердечность и искренность настроений.

Та же толкотня и в столовой за чаем или за ужином — как хотите назовите это скромнейшее угощение, меню которого ограничивалось какими-нибудь битками в сметане, двумя-тремя закусками и несколькими бутылками Енисеевского вина да са-ром!

А. Плещеев.

Литературным спорам конца не было; а потом, глядишь, Давыдов опять затягивает веселую песню с прибаутками.

Однажды на такой вечеринке по случаю дня рождения отца, вся молодежь поднесла ему очень трогательный адрес за ту дружбу и гостеприимство, которыми они всегда получали у Плещеева.

Если ко всем этим воспоминаниям и скромном кабинете писателя добавить, что в нем же помещалась и редакция «Отечественных Записок», вплоть до их закрытия, то станет понятным, что тут перебивали все сотрудники журнала, начиная с Салтыкова-Щедрина, Михайловского, Скабичевского, Сергея Атавы и пр. Об этом я когда-то писал подробно. Могу добавить, разве, как интересную мелочь... за пользование кабинетом, как помещением редакции, Плещееву платили сто рублей в месяц, что по тогдашнему времени считалось солидной платой.

Какую безконечную галерею выдающихся представителей русской интеллигенции видели стены этой комнаты, освещенной покривившейся лампой с зеленым колпаком... именно колпаком, а кусками и несколькими бутылками Енисеевского вина да са-ром!

Никто не скучал, никто не жаловался на тесноту, потому что чувствовалось тепло, сердечность и искренность настроений.

Та же толкотня и в столовой за чаем или за ужином — как хотите назовите это скромнейшее угощение, меню которого ограничивалось какими-нибудь битками в сметане, двумя-тремя закусками и несколькими бутылками Енисеевского вина да са-ром!

А. Плещеев.

Как сейчас вижу перед собой и сошедшихся вечером к отцу молодых друзей и приятелей, раздвинувшихся чуть не на колени друг у друга, за немалым количеством мебели.

Особенно тесно разместились гости на диване и на кровати отца, стоявшей тут же, в кабинете.

Тут задумчивым Всеволодом Гаршиным, С. Я. Надсоном, И. В. Леонидовичем Шеголевым, «обой», тонкий смех которого разносился по всей квартире, К. Баранцевич, всегда больше всех молчавший, композитор Арсенский, юный Мережковский, В. П. Острогорский, напоминая мне вечного студента.

В центре группы, на диване, расположился только что вошедший в славную молодую актер Владимир Николаевич Давыдов, еще не обещавший превратиться в толстяка.

Давыдов затягивает симпатичным приятным голосом русскую песню, вызывая восторг у собравшихся. Однажды Владимир Николаевич был в таком ударе, что пустился паясать «русскую», изображая то деревенского парня, то бабу с платком в руке.

Из актеров Давыдов был самым частым гостем Плещеева. Бывал также П. М. Свободин, с любовью относившийся к литературной семье; очень начитанный и интересный человек и сам выступавший на литературном поприще.

Педагог В. П. Острогорский пытался иногда затягивать «гаудеамус», особенно после нескольких выпитых стаканов пива.

К этой группе примыкал необыкновенно нежное относившийся к моему отцу драматург Модест Чайковский, брат композитора.

Засиживаясь, бывало, в кабинете Плещеева и наезжавший из Москвы юный А. П. Чехов, которого в то время зазывали на расхват новые литературные друзья. Антон Павлович только еще присматривался к петербургским писателям и кругам.

К Плещееву он питал боль-